

Pro Memoria

Д.И. Черашняя

ВАЛЕНТИНА ТИМОФЕЕВНА

(Из книги воспоминаний «Встречи длиною в жизнь»)

Из редакторского корпуса издательства «Удмуртия» особое впечатление осталось у меня от Валентины Тимофеевны Кузнецовой. Я не могу ее отнести ни к какому типу редакторов, потому что она похожа только на себя. Не тип, а личность.

Столы наши стояли визави, и в течение восьми лет я наблюдала ее в самых разных ситуациях: и в радости – с её протяжным *Чу-у-у-до!*, и в огорчениях – *Осто, Инмаре* (удм. *О Боже...*), и в гневе от людской несправедливости: *шакальёс но сволочьёс* (удм. множ. ч. с союзом *и*) ...

Валентина Тимофеевна делала учебную литературу для удмуртской школы. Именно ДЕЛАЛА – не просто редактировала то, что ей принесут. Она изнутри ощущала суть работы учителя-словесника, жила проблемами национальной школы, заботилась о судьбе языка. Тогда, в 1960-е, Министерство просвещения УАССР отменило преподавание на удмуртском языке в начальных классах сельских школ. В районы были посланы представители Минпроса, дабы убедить (вынудить!) родителей (ради будущего поступления их детей в вузы) подписать отказ от родного языка как языка преподавания, оставив его как предмет.

Помню (тогда же) одаренный прозаик Геннадий Красильников, рослый, крупный мужчина, сказал мне со слезами на глазах: «Через 10-15 лет некому будет читать меня на родном языке».

Валентина Тимофеевна была знакома с лучшими сельскими учителями республики, привлекала их к составлению учебных пособий и к рецензированию рукописей, представленных учеными пединститута (впоследствии – УдГУ) и УдНИИ. Она знала, чего добивается от авторов-составителей и от рецензентов. Высказывалась всегда прямо, независимо от ранга собеседника. Именно под ее редакцией выйдет серия учебно-методических альбомов, посвященных репрессированным в 1930-40-е годы удмуртским писателям (цвету национальной интеллигенции).

Запомнились эпизоды из ее жизни и меткие фразы-характеристики:

Он хочет войти в коммунизм с развернутым знаменем...

Его все на эту колокольню толкали, а когда оказался там, то решил, что сам забрался...

Наше общение с Валентиной Тимофеевной не прервалось после моего ухода из издательства. Телефонные разговоры, редкие, но всегда теплые встречи... Даже – буквально *теплые*: она не раз одаривала меня шерстяными носками собственного узорного вязания...

Мне захотелось собрать вместе разрозненные эпизоды ее воспоминаний о семье, о войне, о жизни удмуртской деревни. Договорились о встрече у нее дома *25 августа 2013 года*.

К моему приходу на стол были выложены тетради и блокноты разного формата, исписанные аккуратным, крупным учительским почерком. И хотя в ходе беседы она не раз сетовала, что память стала подводить (в 84 года!), однако всё нижеследующее извлечено именно из памяти, а не из многолетних записей.

Первое – и главное! – что я узнала: у Валентины Тимофеевны были *хорошие учителя*. (Об отце скажу чуть позже.)

В родной деревне Нырошур на двух улицах было 78 домов. Ближайшая школа-семилетка в Сосновке (там же – сельсовет). Получив свидетельство о неполном среднем образовании, восемь выпускников этой школы (семь девочек и паренек) отправились в райцентр Якшур-Бодью – поступать в педучилище. Шли пешком 27 километров (почти по Некрасову: «Небо, ельник и песок...») – только некому было сказать: «Эй, садись ко мне, дружок...»).

Взяв экзаменационный билет, каждый готов был сразу отвечать, без подготовки, что поразило приемную комиссию. Такой уровень знаний дали им учителя Сосновской школы!

Отработав после педучилища, как положено, два года на селе в начальной школе, В.Т. едет в Ижевск и поступает в двухгодичный Учительский институт (с особой благодарностью вспоминает преподавателя удмуртского языка Аполлинарию Александровну Поздееву). По окончании института ее

распределяют в среднюю школу (села Тыловой). Без отрыва от работы она учится заочно в Удмуртском пединституте, где ей посчастливилось слушать лекции Евы Ивановны Никитиной по удмуртской литературе, Аполинарии Ивановны Малых – по удмуртскому языку; сдавать экзамены по античной истории и литературе Елене Александровне Миллиор, ученице Вячеслава Иванова в Бакинском университете; по западноевропейской литературе – Наталье Самойловне Лейтес; по русской литературе – Анне Николаевне Зиминной... Незабываемое впечатление оставили лекции и семинары преподавателя логики, философии и политэкономии Николая Семеновича Пономарева. Во время экзамена по русской литературе ее спросили: «Откуда это у вас логика ума?» – «От Николая Семеновича».

По окончании УГПИ Валентине Тимофеевне предложили работу в Удгизе. И с тех пор (с 1955 года) до ухода на пенсию (в 1986-ом), она бесценно работала редактором в отделе учебно-методической литературы. И каким редактором! Доскональное (изнутри!) знание национальной школы, потому что вся жизнь со школой связана: то она *попеременно* учится и работает, то *одновременно* и работает, и учится. Так будет и в издательстве (она окончит заочные курсы повышения квалификации редактора в Московском полиграфическом институте, где будет слушать лекции самых известных преподавателей: Евгения Ивановича Прохорова – по текстологии, Майи Петровны Сенкевич – по стилистике и др.). Отсюда – умение доказывать и убеждать авторов!

Для редактора школьных учебников важнейшей была тогда проблема: что считать для удмуртского языка литературной нормой?

Взглянем на карту республики, протянувшейся вдоль по меридиану: климатические (от хвойных лесов до дубов и вязов) – и территориальные особенности (финно-угорские народы – на севере; соседство с Кировской и Пермской областями, а также пересекающий Удмуртию Сибирский тракт, по которому проходили тысячи колодников, – посередине; Татария и Башкирия – на юге) – сформировали три диалекта удмуртского языка (северный, срединный и южный), различающиеся лексически и фонетически. К литературной норме более всего тяготеет срединный, вбирающий в себя особенности и северного, и южного, как бы уравновешивая языковую ситуацию.

Я спросила Валентину Тимофеевну, что для нее было литературной нормой. Она назвала имена лучших, по ее мнению, стилистов, с кем ей довелось работать: образцового писателя и переводчика Василия Григорьевича Широбокова, журналистов Михаила Алексеевича Перевощикова и Петра Михайловича Яшина.

В *срединности* нормы удмуртского литературного языка видится мне отражение ментальности этноса. На вопрос: *Как живешь?* – удмурты обычно отвечают: *каллен* (потихоньку). А почему? Скажешь: *плохо* – но ведь может быть хуже! Скажешь: *хорошо* – а вдруг сглазишь... Скромность, умеренность, *срединность*... Это соответствует и положению Удмуртии – м е ж д у Волгой и Уралом. И климат у нас *умеренно-континентальный*. Не случайно удмуртам свойственно выражать свое несогласие преимущественно не спором и не ссорой, а *молчанием*. А уж если согласие, то от всей души: «Тебе сердца откроют и калитки...» – как писал Флор Васильев.

Так что в удмуртском *каллен* есть своя мудрость – залог стабильности.

Теперь – *об отце*. Тимофей Кузнецов окончил четыре класса церковноприходской школы и на фоне деревни был самым грамотным и умным. К нему обращались за помощью школьники: «*Кимо нюню* (дядя Тима – удм.), не могу решить задачу!» – «Молодец, что пришел», – отвечал отец. Сам в это время лапти плетёт и все задачи решает в уме, тут же объясняя логику решения.

Он всё умел: топоры точил, косы наставлял и точил... Мужчин в деревне было много, но все шли к нему – он был безотказный. Потому что он видел: другие сделают плохо. У других, как у него, не получалось. А мама говорила: «Пока людям не сделает, для себя не делает. Понятие у него есть: если не я, то кто».

...Вот страда начинается, пора молотить. На молотилке было водяное колесо. Тут надо быстро подавать снопы, успевать за техникой (в других деревнях техники не было). И отец ночью – во время страды – идет подавать снопы. Женщины говорили: мы вшестером не успеваем, а Тимофей один успевает...

У нас в доме жил его старший брат-инвалид (он попал в водяное колесо, в ременную передачу, – и руку втянуло). Отец сказал: «Не могу его бросить». Нас было четверо детей, и у брата с женой – трое. Мы – семеро – на полатах спали.

Когда началась война, отца не сразу отправили, у него была бронь, потому что он был один такой грамотный и вёл всё секретарское дело в колхозе и в сельсовете. А в январе 1942-го его призвали. Провожать пришли все школьники (ночью сидели у нас). Он знал, что погибнет. Сказал: «Меня определили к станковому пулемету, а его оставлять нельзя. Бросишь – и ты уже враг».

Сначала нам сообщили, что он пропал без вести. Потом была похоронка. Мама 27 километров пешком шла в Шаркан (райцентр) за этой похоронкой, а обратно идти не могла – ноги отказали... Мы узнали, что он убит подо Ржевом...

Да, вот еще... Перед тем как уйти на фронт он впрок заготовил для нас дрова в государственном лесу. И повел меня, чтобы я могла потом находить к ним дорогу и не заблудиться. Пока мы шли по лесу, он делал особые засечки, говорил, что это наш *семейный знак*...

Во время войны и после... Когда отец ушел на фронт, мама готова была и в огонь, и в воду: работала ночью сторожем на мельнице, у большого водяного колеса... а там – шум, лопасти... люди боялись, а она шла... мы одни дома спали.

Про гумно. Оно было единственное в районе – двухэтажное, такой новый склад-2, где впрок был сделан запас зерна (отец позаботился на будущее). И этот склад во время войны стал *глубинкой* для всего района. От него возили зерно в другие места – не на санях... лошадей же не было... а на салазках... деревне ничего от этого зерна не оставалось... вот в эти салазки впрягались и на себе до Воткинска столько километров тащили... Многие женщины после такой работы потом уже не могли рожать...

А днем все работали. В страду всегда обещали – на общем колхозном собрании – выдавать по 200 г зерна на один трудодень... Но такого никогда не было. *Подекадно* давали на человека 1 кг муки или зерна. У меня с мамой вместе получалось 30-31 трудодень (потому, что она днем была разнорабочей, а ночью – сторожем). Другие люди столько не получали и ругались...

[Неожиданное совпадение: В день нашей беседы с В.Т. в местной печати появилась информация о том, что «в деревне Турынгурт Увинского района сохранилось уникальное сооружение: единственная и последняя в республике *водяная мельница*. Внутри сооружения сохранились все жизненно необходимые механизмы – можно увидеть настоящий жернов и водяное колесо. На мельнице и по сей день можно молоть муку. Удивительно то, что ей около 100 лет!» – рядом снимок мельницы с подписью, как до нее можно добраться. Газета «Ясно!». Ижевск. 25 августа 2013. № 21. С. 5.]

Во время войны оплату за учебу в школе стали брать не 100, а 150 рублей в год, а кто не платил – исключали. Мои двоюродные сестры учились в Сосновской школе. Надо было теперь платить за них 300 рублей. А у нас ни копейки. Ведь за трудодни ничего не платили, хоть семь смен работай... Мама пошла в школу и договорилась, чтобы одну оставили в школе (младшую Раю – в 6 классе), а старшую Дусю (9 класс) – исключили. Но Дуся настояла на обратном, и ее оставили. А Раю сразу же отправили на лесозаготовки (все, кто работал в лесу, там и жили, домой не приходили). Это через годы будет постановление, чтобы малолеток не посылали на такую работу.

Но вот Рая вернулась из лесу – и тут же ее отправили на Воткинский завод, работать у станка. Там подростки работали. Ее вместе с другими под конвоем повезли туда на грузовиках. А там эти девочки и мальчики из цеха даже ночью не выходили, там и спали. Сами-то до рычагов управления не дотягивались, так что им ящики (иногда двойные) подставляли... Завод тогда воспринимали как еще хуже, чем лес... потому что там надо было быстро работать, успевать за электроприборами...

И вот эти девочки-подростки и женщины таскали такие тяжести, что свою женскую природу губили. У меня где-то есть выписка из материалов 2 съезда писателей РСФСР, где Федор Абрамов сказал, что во время войны наши женщины в стране открыли второй фронт раньше, чем союзники в Европе. А после него эту мысль продолжил Егор Исаев: да, это был второй фронт, на котором тоже умирали: они делали снаряды, которыми на войне уничтожали врагов, но эти же снаряды здесь уничтожали их как женщин...

Наша Рая всё умела – вязать, ткать, только она одна умела работать на ткацком станке. Любой узор... Теперь никто этого не умеет... И такое богатство ушло в землю... уже лет шесть, как она умерла...

Запись 11 февраля 2015 г.

Еще про войну. В колхозе не положено было ни выходных, ни праздников. Раз в году отец организовывал *гырон быдтон* (день урожая). Он понимал, что хоть один день надо дать людям отдохнуть.

Мама Юлия Саватеевна всю войну лён обрабатывала (она 1904 года рождения, а умерла в 1989-м.) На льносушилке каждая работница должна была сдавать 10 пудов. Их там всего было до 10 женщин. Лён требовался в большом количестве в связи с военным положением: для перевязочных материалов, портянок, простыней, бинтов, одежды.

Лён был разного сорта: толстый, тонкий и средний. Работа эта очень тяжелая. Нормы – сверх меры. Там были только опытные, умеющие всё делать:

терebить лён – снимать с земли;

держатъ на земле под дождем и на холоде – от этого он белеет;

потом *сушить*;

трепать;

чесать – деревянными зубьями (через них пропускали, держали их

руками как деревянные ножны);

чистить (бить) – тут отделяли три сорта.

Обстановка на льносушилке ужасная: пыль, холод. Мама работала там шесть лет: 4 военных и 2 – после войны. И у нее началась эмфизема легких. Врач сказал ей: «Мы таких больных на фронт не брали, а ты тут себя гробила»...

После войны люди стали уезжать из деревни на целину, с 1954 года. А до того никто никогда не мог из деревни отлучиться – ни у кого не было паспортов. Ни денег, ни документов.

Несколько человек (8-10) из деревни и из нашего 9 класса поехали добровольно (вынуждены были, чтобы там получить паспорта). Брат Михаил с женой поехали в Казахстан и там получили паспорта. Роза работала и заочно училась на фельдшера. Потом они жили в Семипалатинске...

О школе. Во время войны во всех школах был такой класс – с железными дверями и затвором. Туда в пятницу вечером закрывали тех, кто в течение недели получил три *двойки*, и держали взаперти до понедельника, а их родителям через день сообщали, чтобы в понедельник пришли провожать, потому что двоечников прямо из школы увозили на специальной машине в город Воткинск, где был военный завод, – на тяжелые работы. Мы всей школой приходили прощаться с ними. А они плакали...

И все боялись. За мной сидела девочка Нюра, она говорила: «Тебе хорошо, тебя не увезут», – потому что я хорошо училась. А я ведь ночами сидела, чтобы всё выучить...

И ещё. Каждым утром нам надо было приходиться к 8 часам и не опаздывать. Потому что ежедневно всей школой – и ученики, и учителя – хором в общем зале пели Гимн Советского Союза. Наизусть.

Мой вопрос: – На русском языке?

– Конечно! С этого начинался каждый день.

Но страшнее всего были уроки военной подготовки. Вел их молодой физрук Азарий Николаевич. Он вернулся с фронта без руки и работал учителем. Мы шли с ним из школы пешком в любую погоду три километра – в поле. И там должны были делать всё: маршировать, бегать, прыгать, ползать... На тех, кто не мог, он кричал... Уставали страшно (ведь все голодные...). А потом те же три километра обратно пешком добирались до школы... Я однажды не могла идти и осталась сидеть в поле. А потом возвращаюсь, и работающие женщины видят меня и спрашивают, чего это я не в школе. А у меня сил нет.

Мой вопрос: – Это было во время войны?

– Да, все годы войны.

Но и смешное тоже было. У нас в школе из трех параллельных классов был один удмуртский и два русских. Там были эвакуированные из Ленинграда. И вдруг из трех классов оставили два, и смешали нас. А они с нацменами никогда не общались и никогда не слышали *нашу* русскую речь, им было непривычно, как мы рассказывали урок, и хором смеялись.

И еще – они никогда не видели лаптей, а мы другой обуви не знали. И вот осенью и весной мы к лаптям тряпками приплетали вроде подошвы из двух частей: такие деревянные пластины, чтобы при ходьбе по насту лапти быстро не стирались... ну, не за неделю, а хотя бы – за две. Потому что мы сами их плели, а это долгая работа. И вот мы проходим *со стужом*, а они смотрят – встают и смеются...

У одной из эвакуированных мать работала в колхозе бухгалтером. Ее дочь Таня Новикова, очень красивая, она хорошо училась, удмуртскому языку выучилась и работала на конном дворе – ей дали управлять лошадей. У нее всё получалось: она ездила на телеге не сидя, а стоя и с песней... Но

в восприятии местных она отнимала у них работу, которую любому из деревенских хотелось получить. Была некоторая зависть. И когда Таня проезжала мимо нашего дома, а песня ее была слышна уже издали, мама обычно говорила: *шотэмды*, то есть «нехорошо поступает»...

После войны, пока была корова, мы держали молочную книжку – и на ферме, и дома. Умных руководителей тогда вообще не было. Все на фронте полегли.

На колхозном собрании распределяют, сколько каждая семья должна сдать молока на ферму. Частники приносят, а в колхозе объединяют с общим и сдают. Нам надо 25 литров сдать – и каждый день несем.

С утра, перед работой, нам хотелось кислого молока, потому что свежее молоко с *травой* (тогда основная еда! – Д. Ч.) нехорошо. А кислого – не было, потому что всё сдавали. Надой у нас был небольшой.

Потом постановление было, что частные люди не смеют держать коров. Всех, мол, надо отправить на ферму, а оттуда будут молоко раздавать. Корову увели.

Мой вопрос: «И что – раздавали?»

– «Не-е-ет...»

Ижевск. Осень 2013 г.